

Л. Сыроватко

А.М. Гаркави и некрасоведение

Из опубликованных Александром Мироновичем Гаркави с 1947 по начало 1980-х более 150 научных статей две трети посвящены Некрасову. В том же случае, когда предмет исследования другой – творчество А.Н. Островского, И.С. Тургенева, М.Ю. Лермонтова, Н.Г. Чернышевского – это все равно эпоха Некрасова, современники и круг «Современника». Исключение, пожалуй, только Лермонтов, которого Александр Миронович очень любил и которым в начале своей научной деятельности мечтал заниматься – по склонности и по преемственности, будучи учеником Б.М. Эйхенбаума.

Что отличало отношение А.М. Гаркави к Некрасову – прежде всего, *поэту* Некрасову (хотя было завершено и масштабное исследование, посвященное Некрасову-редактору, его взаимоотношениям с цензурой, есть труды о Некрасове-прозаике, найдены и откомментированы неопубликованные прозаические тексты), которому он был верен более 30 лет, не только как ученый, но и как научный руководитель, методист, инициатор и редактор межвузовских некрасоведческих сборников?

Будучи человеком своего времени, в чем-то, перефразируя Пастернака, и заложником, и пленником его, всеми своими трудами Гаркави полемизировал с расхожим вульгарно-социологическим взглядом на Некрасова как «певца угнетенных», «беспощадного обличителя крепостничества», «истинно народного поэта» (в литературоведении того времени все эти, безусловно, верные характеристики превращались в штампы, ярлыки, а сам «народ» выглядел столь же обезличенно, как и в газетных передовицах, где его именем санкционировались любые деяния власти), писавшего «просто и понятно».

А.М. Гаркави стремился подчеркнуть в Некрасове то, что разглядел в нем «серебряный» век – и в этом был солидарен с К.И. Чуковским, некогда предложившим его деятелям знаменитую анкету о Некрасове. Что значил Некрасов для *поэтов* как *поэт*? Какова его роль в русской поэтической эстафете? Чем обогатил он русскую поэтическую традицию? Не-

смотря на «прозаизм», который неоднократно сам подчеркивал, – чем отличается его поэтический тембр, его лирический голос?

А.М. Гаркави не написал об этом книги (единственной монографией так и осталась работа «Н.А. Некрасов в борьбе с царской цензурой»¹), но все написанные им статьи в совокупности представляют удивительно цельный труд, в котором можно было бы выделить не столько отдельные «главы», сколько сквозные мотивы, автопереключки, возвраты – через годы, на новом уровне – к тем же проблемам. В какой-то мере это напоминает его собственную концепцию творчества любимого поэта: Некрасов предстает мастером крупных форм, но уже принципиально иных, новаторских – цикла, книги стихов, если поэмы, то, скорее, напоминающей «магический кристалл» пушкинского романа в стихах; форм, в которых фабулу можно изложить несколькими словами, а главную смысловую нагрузку несут «внефабульные элементы» – лирические отступления, оттеняющие внутренний мир героев и тончайшие нюансы их переживаний, пейзажи, самохарактеристика персонажей, внутренний монолог. Недаром изучение лирического цикла (ряд статей, посвященных сборнику стихотворений 1856 г., «панаевскому» циклу, «Последним элегиям»), близкой по форме к лирическому циклу поэмы («Мороз, Красный Нос», «Русские женщины»), «промежуточным» между поэмой, драмой и ролевым стихотворением произведениям («Горе старого Наума», «Орина, мать солдатская», «Зеленый шум») – одна из постоянных тем в наследии А.М. Гаркави.

Всегда привлекало внимание исследователя то, что называют теперь «модным» термином «интертекстуальность» – взаимовлияния Некрасова и его предшественников, современников и – в перспективе – потомков. Эта тема была важна с точки зрения полемики с социологической трактовкой потому, что разрушала соблазнительный миф о некоей посконной «простоте» Некрасова (тем-де и близок он читателю), о преимущественной «идейности» его, заставлявшей будто бы пренебрегать эстетикой. Между авторской точкой зрения и утверждениями из «Поэта и гражданина»:

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагозвучны и обидны,
Твой стих тягуч...

или

...Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
<...>
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,

Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан! –

ставили знак равенства (между тем как сам их диалогизм – и даже участие третьего собеседника, если вспомнить ссылки на пушкинскую «Чернь», предполагает не столь однозначное решение проблемы поэтического творчества).

С точки зрения официального литературоведения жертва поэтическим в пользу гражданского представляла достоинством; с точки зрения читателя – едва ли. И А.М. Гаркави в своих статьях стремился подчеркнуть мастерство Некрасова-версификатора, его чувство ритма, метрическую изощренность, тонкость мелодической нюансировки. Примеры аллюзий, реминисценций, явных и скрытых цитат, обыгрывания сюжетов предшественников и современников подчеркивают образованность и искусственность Некрасова-читателя. Этой линии, намеченной еще в студенческих работах, ученый оставался верен всю жизнь, отказываясь считать Некрасова «поэтом без традиции» и в своих работах находя все новые и новые доказательства ошибочности такого взгляда.

Первая опубликованная статья молодого исследователя – «Некрасов и Лермонтов»² – невелика по объему, но в ней немало тонких наблюдений, подкрепленных самостоятельным анализом текста. Незатасканные примеры прозаизмов («Ночью буду микстуру глотать» из «Рыцаря на час», «Говядину вялят на солнце они...» из поэмы «Русские женщины»), интересные наблюдения над ролью евангельского мотива тернового венка, важность которого подчеркнута композиционно («...на лексическом фоне поэзии Некрасова <...> выражение «терновый венок» не могло быть незаметным: у Некрасова к тому же этот образ употребляется почти исключительно в концовках стихотворений (см. стихотворения «Мать», «Поэт и гражданин», «Безвестен я...», «Праздник жизни...»)³), доказательное утверждение об использовании Некрасовым лермонтовских ритмико-синтаксических схем, выглядящих сугубо «некрасовскими» потому, что при мелькавшая у эпигонов романтизма схема наполнилась «новым «бытовым» содержанием» (студент пятого курса даже уверенно полемизирует с К.И. Чуковским, который, по его мнению, ошибочно «считал этот своеобразный ритмический рисунок некрасовским нововведением»). Все вместе подготавливало вывод: торжественные «Пушкино-Гете-Лермонтовские» выражения у Некрасова не инородны, как считал, например, Герцен, а столь же органичны в его творчестве, сколь и «прозаизмы»; оригинальность поэзии Некрасова, новаторство ее в том и состоит, что, «выступая на фоне разговорной и прозаической лексики», обретая новое стилистическое звучание, классические мотивы вплетаются в художественную ткань, расцветают, а не топорщатся заплатами. «Заметки» Гаркави оказались замеченными: М.Н. Онуфриев в рецензии на бюллетень (Советская

книга. 1947. №11. С. 107) уделил студенческой работе три абзаца (!) с пространным цитированием и грозным выводом – о порочности тенденции, которая проявилась также в статьях «Гуковского, Ямпольского и т.д.» («Появилась моя первая публикация и уже обругана, утешает, правда, что в очень почетной компании» – так отреагировал А.М. Гаркави на эту публикацию).

Некрасов в трактовке Гаркави предстает знатоком не только русской, но и мировой поэзии. Очевидные (но замеченные впервые именно Гаркави) аллюзии и реминисценции из Шекспира (скажем, «Усни... умри!..» – «великолепное завершение <...> цикла» «Три элегии» именно потому, что «поэт перефразировал известное выражение Шекспира» из монолога Гамлета (д. 3, явл. 1)⁴), Гюго, Гейне, Беранже, Бернса («вся она как бы соткана из «трудовых мотивов» песенной лирики Бернса», – пишет исследователь о некрасовской «Песне о труде» из «Медвежьей охоты»⁵), Шиллера, английской романтической поэзии могли бы украсить любой академический комментарий и сами по себе стать предметом отдельных статей, но часто указываются как бы «между прочим», нередко – в сносках и примечаниях.

Дело в том, что «двуипостасность» Некрасова – продолжателя классической традиции, не спешащего «сбрасывать с корабля современности» Пушкина и Лермонтова, способного восхититься поэзией Тютчева и открыть ее читателю – и новатора, предвосхищающего «фантастический реализм» Достоевского и «диалектику души» Толстого, была важна литературоведу-Гаркави не только для доказательства мастерства Некрасова-литератора, не только с «исторически-эволюционной» точки зрения, но прежде всего с позиций того, как служит эта особенность творческой манеры раскрытию правды о характере русского человека из народа, таком, каков он в разных своих проявлениях (не в одном «страдании» и «угнетении»). Несомненно отдавая дань обруганному «формализму», Гаркави, несомненно, принадлежал к той школе русского литературоведения, которую Д. Чижевский в свое время назвал «содержательной».

Акцент на психологизме и лиризме некрасовской поэзии, внимание к судьбе конкретного человека, а не абстрактного «народа» – пафос поздних статей А.М. Гаркави. Как отмечает исследователь, рост мастерства Некрасова-психолога виден уже в том, что в «ролевых» своих стихотворениях от своеобразных «новелл» – ярких, увлекающих сюжетов о случаях исключительных, личностях ярких, выдающихся – он переходит к внешне заурядным историям крестьян «из массы». М. Гину, автору ряда интересных работ о поэмах Некрасова, этот акцент показался даже чрезмерным; началась полемика⁶, поводом к которой послужили статьи «Структура повествования в поэме Н.А. Некрасова «Мороз, Красный Нос»⁷ и «Мастерство психологического анализа в поэме «Мороз, Красный Нос»⁸.

М. Гин определял «психологический метод» Некрасова как «косвенный способ выражения духовной жизни <...> при котором о думах и чувствах героя читатель получает представление по его действиям, внешнему облику, по его отношению к различным сторонам действительности»⁹. Иными словами, психологический анализ Некрасова близок тургеневскому «тайному психологизму». А.Н. Гаркави считал подобную точку зрения сужающей: Некрасов, по его мнению, «учел все основные достижения в области психологического анализа, которыми располагала в то время русская литература и которые можно было применить к крестьянской тематике»¹⁰. К методу Некрасова применимо не определение «тайного психологизма», данное Тургеневым, а, скорее, классификация Чернышевского в известной статье о Толстом: «Психологический анализ может принимать различные направления: одного поэта занимают более всего очертания характера, другого – влияния общественных отношений и житейских столкновений на характеры; третьего – связь чувств с действиями; четвертого – анализ страстей; графа Толстого всего более – сам психический процесс, его формы, его законы, диалектика души...»¹¹ Вершиной психологического анализа в творчестве Некрасова А.М. Гаркави, в отличие от М.М. Гина, считал не «Кому на Руси жить хорошо...», а «Мороз, Красный Нос»; где, по мнению ученого, можно обнаружить весь спектр открытий некрасовской эпохи в области психологизма, указанных Чернышевским (кроме, пожалуй, «анализа страстей»). А.М. Гаркави выделяет три «слоя» психологического анализа в поэме: «тайный психологизм», «авторский лирический комментарий» и «духовное самораскрытие» героини. И если «тайный психологизм» реализуется в фабуле, то средствами психологического анализа становятся прежде всего внефабульные элементы – прямые авторские замечания о характере героини, пейзаж (тусклый, скорбный по колориту в первой и величественный, яркий – во второй части поэмы), внутренний монолог замерзающей Дарьи. Гаркави резко возражает против замечания М. Гина о том, что внутренний монолог и мечты Дарьи являются «косвенной исповедью», в которой раскрывается только минувшее, «то, что было», а автор выступает в роли исповедника. Это не так – ведь Дарья мысленно обращается к умершему мужу, а грезы ее вовсе не прошлое, а воплощенное в реальных для замерзающего человека образах видение счастья с Проклом, в котором действительность мешается с воспоминаниями и никогда не бывшим, «предстает в преображенном виде».

Что же касается «диалектики души», то тут, по мнению исследователя, Л.Н. Толстой проиграл творческое соревнование Н.А. Некрасову в психологической трактовке характера русского мужика – в то время, как Некрасов работал над поэмой, появилась повесть Толстого «Поликушка», в которой великий романист рисует кажущиеся ему несколько примитивными переживания крестьянина. Рядом с героем Толстого некрасовская Дарья, безусловно, убедительнее и интересней читателю. Переживания Дарьи тонко показаны не только с точки зрения проникновения во внутренний мир крестьянки; правдиво рисуется, по мнению Гаркави, «онири-

ческое состояние замерзающего человека» (что-то сродни Флоберу, до симптомов отравления мышьяком «вжившемся» в свою мадам Бовари).

Вовсе без комментария оставляет ученый упрек в переоценке поэмы – довольно частый в полемических выпадах соратников по некрасоведению. А.М. Гаркави «поправляли» и «журили» за «перегибы» нередко – не те произведения, не те образы считал он вершиной творчества Некрасова (да и просто любил – не по канону): не «Кому на Руси жить хорошо», а «Мороз, Красный Нос», «Сашу», «Русские женщины», не «Поэта и гражданина», а малоизвестное «Поэту (Памяти Шиллера)».

К сожалению, литературоведческие труды, как, впрочем, и сами литературные произведения, но гораздо быстрее их, устаревают. Но стареют они по-разному. Одни исчезают без следа, другие становятся основой для дальнейшего развития науки, входят в ее состав. Порукой того, что в составе русского некрасоведения при всех оговорках останутся работы А.М. Гаркави – его отношение к науке, декларированное в неопубликованной статье «Еще раз о мастерстве психологического анализа в поэме «Мороз, Красный Нос» (1975): «... я не против всяких схем, а лишь против плохих схем. А если схему опрокидывает сам материал, значит, она плоха».

¹ Калининград: Кн. изд-во, 1966. 304 с.

² *Гаркави А.М.* Некрасов и Лермонтов // Н.А. Некрасов: статьи, материалы, рефераты, сообщения: к 125-летию со дня рождения: Научный бюллетень Ленингр. гос. ун-та. №16 – 17. Л., 1947. С. 46 – 48.

³ Указ. соч., с. 47.

⁴ В статье «Творческая история «Трех элегий» Н.А. Некрасова» (Н.А. Некрасов и русская литература: Сб. науч. тр. Вып. №43 (3). Ярославль, 1976. С. 45).

⁵ *Гаркави А.М.* К характеристике лирического героя Н.А. Некрасова // Проблема автора в русской литературе XIX – XX вв.: Межвуз. сб. Ижевск, 1978. С. 171.

⁶ Кроме указанных статей А.М. Гаркави, см.: *Гин М.М.* О психологическом методе Н.А. Некрасова и статье А.М. Гаркави // Н.А. Некрасов и русская литература. Второй межвуз. сб. Ярославль, 1975.

⁷ Вопросы сюжетосложения: Сб. ст. / Даугавпилс. пед. ин-т. Вып. 3 [Сюжет и жанр]. Рига: Звайгзне, 1974. С. 72 – 81.

⁸ Н.А. Некрасов и русская литература. Вып. 38. Кострома, 1974. С. 17 – 33.

⁹ *Гин М.М.* О своеобразии реализма Н.А. Некрасова. Петрозаводск, 1966. С. 185.

¹⁰ Мастерство психологического анализа в поэме «Мороз, Красный Нос» // Н.А. Некрасов и русская литература. Вып. 38. Кострома, 1974. С. 18.

¹¹ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 422 – 423.

